

Глава I

БРЕТТОН

Моя крестная матушка жила в чистом старинном городе Бреттоне, в красивом доме. Семья ее мужа обосновалась здесь давным-давно, много поколений назад, и носила фамилию, совпадавшую с названием места: Бреттон. Не могу сказать, произошло ли это по случайному совпадению или потому, что далекий предок обладал достаточной важностью, чтобы поделиться собственным именем с родным городом.

В детстве я ездила в Бреттон дважды в год — и, должна признаться, с удовольствием. И сам дом, и его обитатели чрезвычайно мне нравились. Просторные тихие комнаты, продуманно расставленная изящная мебель, большие сияющие окна, балкон, выходивший на красивую старинную улицу, где, казалось, никогда не кончались воскресенья и праздники, — такая здесь царил тишина, такими аккуратными выглядели тротуары. Спокойствие и порядок радовали душу.

Единственный ребенок в окружении взрослых неизбежно превращается в объект пристального внимания. Я постоянно ощущала несуетную заботу миссис Бреттон, оставшуюся вдовой с сыном на руках еще до того, как я ее узнала. Муж-доктор умер давно, когда она была еще молодой и красивой.

Я помню ее уже в солидном возрасте, но по-прежнему привлекательной: высокой, хорошо сложен-

4 ной, сохранившей здоровую, свежую, хотя и слишком смуглую для англичанки кожу и живость прекрасных выразительных черных глаз. Люди с сожалением отмечали, что яркая внешность не передалась ее сыну: тот родился с голубыми, но необычайно пронзительными глазами и светлыми волосами, цвет которых доброжелатели не осмеливались определить до той минуты, пока солнечный свет не делал их золотистыми. От матери юноша унаследовал правильные черты лица, хорошие зубы, гордую осанку (точнее, обещание осанки, поскольку был еще слишком молод), а также, что важнее, безупречное здоровье и спокойный твердый характер, который зачастую ценился выше богатства.

Осенью 18... года я гостила в Бреттоне. Крестная сама приехала специально для того, чтобы забрать меня у родственников, с которыми я постоянно жила в то время. Думаю, она отчетливо предвидела будущие события, чью неясную тень я едва различала, но все же испытывала смутную тревогу и необъяснимую печаль, а потому с радостью сменила и обстановку, и круг общения.

Рядом с миссис Бреттон время всегда текло плавно, без бурной спешки, мягко, подобно спокойному движению полноводной реки по долине. Мои приезды к ней напоминали встречи Христианина и Верного¹ возле благостного потока с «зелеными деревьями на обоих берегах и лугами, круглый год украшенными лилиями». Здесь не было ни очарования разнообразия, ни волнения событий, но я настолько глубоко любила покой и так мало нуждалась во внешних

¹ Христианин и Верный — персонажи аллегорического романа английского писателя Джона Беньяна (1628—1688) «Путь паломника». — *Примеч. ред.*

побуждениях, что, когда таковые появлялись, ощущала их едва ли не помехой и втайне желала скорейшего освобождения.

Однажды пришло письмо, содержание которого заметно удивило и встревожило миссис Бреттон. Поначалу я решила, что оно из дома, и задрожала от страха в ожидании неведомых, но бедственных известий, однако мне ничего сказано не было: очевидно, туча пронеслась мимо.

На следующий день, вернувшись с долгой прогулки, я обнаружила в спальне неожиданные изменения. Помимо моей постели, уютно притаившейся в алькове, в углу комнаты появилась маленькая белая кроватка, а рядом с моим комодом красного дерева возник палисандровый шкафчик.

— Что все это значит? — в полном недоумении спросила я горничную и получила краткий, но внятный ответ:

— Миссис Бреттон ожидает новых постояльцев.

Более обстоятельное объяснение я услышала за ужином: скоро у меня появится соседка — дочка дальнего родственника покойного доктора Бреттона. Малышка недавно осталась без матери, хотя, как тут же присовокупила миссис Бреттон, утрата не столь велика, как может показаться на первый взгляд. Миссис Хоум была очень хорошенькой, но легкомысленной, ветреной особой, о ребенке заботилась плохо и доставляла одни лишь разочарования мужу. Союз оказался настолько далеким от идеала семейного счастья, что в конце концов привел к расставанию — по обоюдному согласию супруги разъехались, не прибегая к судебному процессу. Вскоре после этого мадам на балу подхватила лихорадку: болезнь развивалась стремительно и закончилась печально. Слишком чувствительный супруг, шокированный

6 известием, твердо уверовал, что виной всему — его излишняя суровость в обращении с женой, а также недостаток терпения и снисходительности, и так глубоко погрузился в раскаяние, что его душевное равновесие стало вызывать опасения. Врачи настоятельно рекомендовали ему отправиться в длительное путешествие, поэтому миссис Бреттон предложила взять на себя заботу о малышке.

— Надеюсь, — заключила свой рассказ крестная матушка, — девочка не вырастет такой же пустой, ветреной кокеткой, на которой угораздило жениться разумного мужчину, пусть и не слишком практичного. Мистер Хоум совершенно погружен в науку и половину жизни проводит в лаборатории за экспериментами, чего легкомысленная жена не смогла ни понять, ни принять. Честно говоря, — со вздохом призналась крестная, — мне и самой такая жизнь вряд ли бы понравилась.

В ответ на мой вопрос миссис Бреттон сообщила, что, как говаривал ее покойный супруг, склонность к науке мистер Хоум унаследовал от дядюшки по материнской линии — французского ученого. Судя по всему, давний друг обладал смешанным француско-шотландским происхождением и имел во Франции родственников, не только гордо предварявших фамилию частицей «де», но и называвших себя наследниками старинного аристократического рода.

Тем же вечером, в девять часов, слуга отправился встречать экипаж, в котором должна была прибыть наша маленькая гостья. Мы с миссис Бреттон сидели в гостиной вдвоем и ждали; Джон Грэхем Бреттон отправился навестить школьного товарища, который жил за городом. Крестная коротала время за чтением свежей газеты; я шила. Вечер выдался ненастным: по окнам хлестал дождь, тревожно завывал ветер.

— Бедное дитя! — время от времени восклицала миссис Бреттон. — Погода совсем не для путешествия! Скорее бы уж они приехали!

Около десяти звонок в дверь возвестил о возвращении Уоррена. Я тут же побежала в холл, куда вносили дорожный сундук и несколько коробок с ручками. У двери стояла особа, похожая на няню, а у подножия лестницы — Уоррен со свертком в руках.

— Это ребенок? — спросила я.

— Да, мисс.

Я попыталась, чуть приоткрыв одеяло, взглянуть на личико малышки, но она быстро повернула голову и уткнулась Уоррену в плечо.

— Отпустите меня, пожалуйста, — раздался тонкий голосок, едва Уоррен открыл дверь гостиной. — И уберите наконец это!

Маленькая ручка вытащила булавку и брезгливо сбросила покрывало. Возникшее из кокона существо попыталось его сложить, однако не справилось — слишком тяжело для слабых рук.

— Отдайте это Харриет! — последовало холодное распоряжение. — Она уберет.

Девочка повернулась и устремила внимательный взгляд на миссис Бреттон.

— Иди сюда, милая крошка, — позвала крестная. — Замерзла, поди, промокла. Давай-ка сюда, к камину.

Девочка без возражений повиновалась. Освобожденная от покрыва, она выглядела как настоящая кукла с нежным фарфоровым личиком, шелковыми кудрями и точеной фигуркой.

Миссис Бреттон усадила ее к себе на колени и, нежно воркуя, принялась растирать игрушечные ладошки, ручки и ножки. Поначалу ответом ей слу-

8 жил лишь задумчивый взгляд, но скоро на личике появилась улыбка. Обыкновенно миссис Бреттон не отличалась особой сентиментальностью, даже в обращении с глубоко обожаемым сыном, скорее наоборот. Но когда малышка улыбнулась, неожиданно поцеловала ее и ласково спросила:

— Как же зовут нашу крошку?

— Мисси.

— А у мисси есть имя?

— Папа называет меня Полли.

— Полли не против жить здесь, с нами?

— Только до тех пор, пока папа не вернется домой. Он уехал.

Девочка грустно вздохнула, и миссис Бреттон поспешила ее успокоить:

— Он обязательно приедет за своей дочуркой.

— Правда, мэм? Вы это точно знаете?

— Уверена, что так и будет.

— А Харриет думает, что нет: во всяком случае, не скоро. Он болеет.

Глаза малышки наполнились слезами, она вырвала руку и попыталась высвободиться, а когда ощутила сопротивление, холодно заявила:

— Пожалуйста, отпустите: я хочу сесть на скамейку.

Получив свободу, она сползла с колен, взяла скамеечку для ног, отнесла ее в самый темный угол и там уселась. Несмотря на твердость и даже жесткость характера, в мелочах миссис Бреттон частенько проявляла пассивную снисходительность. Вот и сейчас, позволив малышке поступить по-своему, крестная заметила, обернувшись ко мне:

— Просто не обращай внимания. Пусть делает что хочет.

Но я не могла. Сердце мое разрывалось при виде Полли. Упершись локотком в колено, она достала

из кармашка своей кукольной юбочки носовой платок размером в квадратный дюйм и тихонько заплакала. Обычно дети громко, без стыда и смущения, криком выражают боль, печаль или недовольство, а у этого призрачного существа лишь редкие всхлипывания выдавали сокровенные чувства. Хорошо, что миссис Бреттон ничего не слышала, пока из глубокой тени не раздался требовательный голос:

— Велите позвать Харриет!

Я позвонила, и няня немедленно явилась.

— Харриет, уложите меня спать! — приказала маленькая госпожа. — Спросите, где моя постель.

Няня жестом дала ей понять, что уже все выяснила, и тогда девочка уточнила:

— А ты будешь спать со мной, Харриет?

— Нет, мисси. Вам предстоит делить комнату вот с этой юной леди, — указала на меня няня.

Мисси не покинула свое убежище, однако я ощутила на себе пристальный взгляд. После нескольких минут молчаливого изучения девочка наконец вышла из темного угла и, поравнявшись с миссис Бреттон, вежливо произнесла:

— Доброй ночи, мэм.

На меня она даже не взглянула, но я все же сказала:

— Доброй ночи, Полли.

— Нет необходимости прощаться, раз мы спим в одной комнате, — последовал резкий ответ, и малышка вышла из гостиной. Мы услышали, как Харриет предложила отнести ее наверх, но Полли повторила:

— Нет необходимости.

Они поднялись по лестнице, и скоро все стихло.

Когда через час я пришла в комнату, чтобы лечь спать, моя соседка бодрствовала, с удобством устро-

10 ившись среди подушек. Сложив руки на одеяле, девочка сидела абсолютно неподвижно. Некоторое время я молча смотрела на нее и лишь перед тем, как задуть свечу, предложила ей лечь.

— Скоро лягу, — прозвучал холодный ответ.

— Но вы же простудитесь, мисси.

Полли взяла со стоявшего возле кровати стула какое-то крошечное одеяние и прикрыла плечи, но так и не легла. Я не вмешивалась: пусть поступает по собственному усмотрению, — хотя и, прислушавшись в темноте, поняла, что она все еще плачет — тихо и сдержанно.

Проснувшись я на рассвете от звука льющейся воды и с удивлением увидела, что Полли уже встала, забралась на скамейку возле умывальника и, наклонив кувшин, потому что не могла поднять, лила его содержимое в таз. Это меня поразило: такая маленькая, но сама умывается и одевается. Было очевидно, что малышка не привыкла самостоятельно совершать туалет: пуговицы, завязки, крючки и петли вызвали затруднения, но она преодолевала их с достойной уважения настойчивостью. Закончив, Полли сложила ночную сорочку, аккуратно заправила постель, тщательно разгладив покрывало, и ушла в угол, за белую штору, где и затихла. Я приподнялась и вытянула голову, чтобы посмотреть, что происходит. Малышка стояла на коленях, закрыв лицо ладонями, и, судя по всему, молилась.

В дверь постучали, и она быстро поднялась.

— Это ты, Харриет? Я оделась сама, но не очень опрятно. Приведи меня в порядок!

— Зачем же вы это сделали, мисси?

— Тсс! Говори тише, Харриет, не то разбудишь девочку. — (Я притворилась спящей и лежала с закрытыми глазами). — Мне же надо научиться все делать самой к тому времени, как ты меня оставишь.

— Хотите от меня избавиться?

11

— Раньше хотела, особенно когда ты сердилась, но сейчас нет. Завяжи мне пояс ровно и приведи в порядок волосы.

— С поясом все хорошо. Что вы за привереда!

— Нет, его нужно завязать заново! Пожалуйста, сделай это.

— Хорошо, будь по-вашему. Когда я уйду, кого вы станете просить вас одевать — эту юную леди?

— Ни в коем случае!

— Почему же? Очень приятная особа. Надеюсь, вы с ней не станете проявлять свой капризный нрав.

— Никому ни за что не позволю меня одевать, тем более ей!

— До чего же вы забавная!

— Криво, Харриет! Смотри: пробор неровный.

— Вам просто невозможно угодить. Вот так лучше?

— Намного. Куда нам теперь?

— Пойдемте, я провожу вас на завтрак.

Они направились к двери, но девочка вдруг остановилась и воскликнула:

— О, Харриет, как бы мне хотелось, чтобы это был папин дом! Я совсем не знаю этих людей.

— Все будет хорошо, мисси, если вы не станете вредничать.

— Но я здесь страдаю! — Малышка прижала ручку к сердцу и театрально воскликнула:

— Папа! Ах, милый папа!

Я решила все же встать с постели, чтобы пресечь сцену, пока чувства не вышли за рамки допустимого.

— Пожелайте юной леди доброго утра, — попросила Харриет подопечную.

Полли равнодушно буркнула приветствие и вслед за няней вышла из комнаты.

12 Спустившись к завтраку, я увидела, что Полина (девочка называла себя Полли, но полное ее имя было Полина Мэри) сидит за столом рядом с миссис Бреттон. Перед ней стояла кружка молока, в руке, пассивно лежавшей на скатерти, она держала кусок хлеба, но ничего не ела.

— Не знаю, как успокоить малышку, — обратилась ко мне крестная матушка. — Не проглотила ни кусочка и, судя по всему, глаз не сомкнула.

Я решила не обострять ситуацию и заверила миссис Бреттон, что время и наша доброта все исправят.

— Мы все должны окружить ее любовью и заботой, успокоить, — заключила мудрая крестная.

Глава II

ПОЛИНА

Прошло несколько дней, но малышка так и не прониклась теплыми чувствами ни к кому из домашних. Она не капризничала, не проявляла своеволия или непослушания, но существо, менее склонное к утешению или спокойствию, трудно было представить. Полли страдала: ни один взрослый человек не смог бы лучше изобразить это унылое, тягостное состояние. Ни одно хмурое лицо изгнанника, тоскующего по родине вдалеке от ее пределов, никогда не выражало это более красноречиво, чем бледное детское личико. Девочка осунулась, была безучастна и далека от жизни. Я, Люси Сноу, прошу не обвинять меня в разгуле разгоряченного и даже болезненно воспаленного воображения, но всякий раз, когда доводилось открыть дверь в спальню и увидеть ее сидящей в углу в полном одиночестве, с опущенной на руку головой, комната казалась не обитаемой, а призрачной.

Просыпаясь ночью при свете луны, я ви-дела на соседней кровати фигурку в белой ночной сорочке, преклонившую колени в молитве, достойной истового католика или методиста — своего рода скороспелого фанатика или преждевременного святого, — и терялась в раздумьях. В мозгу проносились мысли не более здравые и разумные, чем те, которыми, судя по всему, было заполнено сознание этого ребенка.

До меня редко долетали слова молитвы, поскольку произносились очень тихо, а иногда и вовсе оставались невысказанными. Достигавшие моего слуха короткие фразы неизменно были обращены к одному человеку: «Папа, мой дорогой папа!»

Стало ясно, что дитя одержимо единственной идеей. Всегда считала и считаю, что подобное маниакальное состояние — самое страшное проклятие, способное постигнуть мужчину или женщину.

К чему могли привести эти мучения, если бы продолжались беспрепятственно, можно лишь догадываться, однако ситуация получила неожиданное развитие.

Однажды днем Полли, как обычно, пряталась в своем углу, но миссис Бреттон выманила ее, усадила на подоконник и, чтобы отвлечь внимание, попросила понаблюдать за прохожими и сосчитать, сколько дам пройдет по улице за определенное время. Девочка никак не отреагировала на предложение и осталась безучастной. Я пристально за ней наблюдала, поэтому заметила, как внезапно все изменилось: выражение лица, даже радужная оболочка глаз. Непредсказуемые, странные натуры — как правило, очень чувствительные — представляют собой любопытное зрелище для более уравновешенных, не склонных к неожиданным выходкам. Неподвижный

14 тяжелый взгляд вдруг поплыл, задрожал, а потом вспыхнул огнем. Маленький нахмуренный лоб разгладился. Невыразительные унылые черты осветились интересом. Выражение печали исчезло, уступив место внезапной радости после напряженного ожидания.

— Вот он! — воскликнула Полли.

Подобно птичке, насекомому или другому крошечному стремительному существу она вылетела из комнаты. Как ей удалось справиться с тяжелой входной дверью, не знаю. Должно быть, та оставалась приоткрытой или неподалеку оказался Уоррен и распахнул ее по не допускавшему сомнений требованию юной особы. Спокойно глядя в окно, я увидела, как девочка в черном платье и крошечном кружевном переднике (детских фартучков она не признавала) побежала по улице, а когда хотела было обернуться, оповестить крестную, что дитя мечется в безумии и необходимо немедленно что-то предпринять, малышка внезапно исчезла в объятиях какого-то джентльмена. Тот ловко ее поймал, подхватил на руки, спрятал под своим плащом и понес к нашему дому.

Я решила, что этот доброжелатель передаст Полли слугам и уйдет, однако он поступил иначе: на мгновение задержавшись внизу, поднялся в гостиную.

Оказанный прием все объяснил: джентльмен хорошо известен миссис Бреттон. Она сразу его узнала и встретила теплым приветствием, хотя была взволнована, удивлена и явно застигнута врасплох. При этом весь ее облик и манеры выражали осуждение. Джентльмен, как выяснилось, прекрасно понимал причину, поскольку, будто извиняясь, произнес:

— Не смог удержаться, мэм. Понял, что не в состоянии покинуть страну, не увидев собственными глазами, как устроена моя крошка.

— Но вы встревожите девочку.

— Надеюсь, что нет. — Джентльмен присел и поставил дочку перед собой. — Как поживает папина маленькая Полли?

— А как поживает мой большой папа? — радостно спросила малышка, опершись на колено отца и заглянув ему в лицо.

Встреча дочери с отцом не была многословной, излишне эмоциональной, за что я им была благодарна, однако переживания взрослого и ребенка до краев наполняли чашу терпения. Их чувства не пенились и не вырывались бурным потоком, и это удручало еще больше. Во всех случаях яростных, несдержанных излияний на выручку утомленному наблюдателю приходят презрение или насмешка, однако меня всегда чрезвычайно угнетал тот тип эмоциональности, который сам себя сдерживает, оставаясь покорным рабом здравого смысла.

Мистер Хоум обладал суровым — скорее даже мрачным — обликом: бугристый лоб, высокие, выдающиеся скулы. Резкие черты его лица вполне соответствовали шотландскому типу и выдавали натуру страстную, однако в глазах светилась глубокая любовь. Гармонировал с такой внешностью и северный акцент. Джентльмен держался хоть и скромно, но с достоинством.

— Поцелуй Полли, — тихонько попросила девочка.

Он нежно погладил дочь по головке и выполнил ее просьбу. Мне хотелось, чтобы малышка истерично закричала: тогда я смогла бы испытать облегчение и успокоиться, — но она лишь издала едва слышный звук, больше похожий на вздох. Казалось, получив желаемое, она впала в блаженное полузабытье. Ни манерой, ни внешностью это создание не напоми-